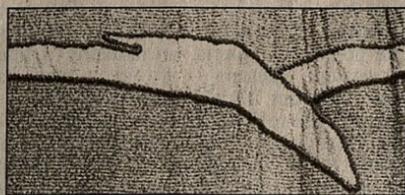


# Встреча студентки с любимой актрисой



## Во МХАТе у Дорониной

Соб. Россия, 2001-24 нояб.

«ОТЧЕГО люди не летают?...» Боже, до чего же пошло это звучит в устах современности! Век бешеных мировых темпов навязывает нам своего монарха — пошлость. Закройщики очередного платья для раздетого, но, в сущности, голого короля обнажают его в безнравственном, наглом убожестве, и он, властвующий, здравствующий, сверкая вставными челюстями от Кардена, демонстрирующий голливудский оскал, целенаправленно и верно вкручивает свой указательный палец нам в виски, тем самым убеждая в сумасшествии. О чем можно говорить, когда душу вырывают генетически, и новое поколение не ведаёт добра. «Зачем нравственность, — говорил мне один из его представителей, — когда на нее ничего не купишь, зачем духовное единство? Не лучше ли завести физического друга, он будет всем давать по челюстям». Вот как нынче дико и да... пошло.

Ты обречен на голод, если не будешь работать на нового монарха, ты обречен на слепоту, если включишь свой черный «ящик», ты обречен на одиночную камеру, если вздумает открыть глаза, ты обречен на пени, если ступишь ногой в новый Москоу Сити.

От таких мыслей болезненно знобит, душа покрывается тонким льдом, и ты на грани признания самой страшной для человека фразы — «все равно». Главное — не замерзнуть, только не замерзнуть, и тогда ты идешь в театр и протягиваешь руку за духовным подающим, принять которое никогда не стыдно.

Театр — уникальное заведение. Театр — храм, где воскрешают души. Театр — источник искрящейся, неиссякаемой энергии, где нет и не может быть обмана. Это вечное естество, словно созданное самой природой для поддержания в человеке всего прекрасного, истинного, данного нам от Бога. Таков МХАТ им. Горького — один из немногих, самый любимый, самый честный, самый критичный; театр, бережно хранящий вековые традиции; театр, бьющий в самую десятку нашей грязной современности; театр, подвергающийся страшному гонению со стороны пошлого монарха сегодняшней антиидеологии. Но, несмотря ни на что, он стоит крепко на своих ногах и дает бой всем, кто посягает на великорусское, национальное, пытаясь заменить его пошлым, западным идеалом всепродаваемости. «Главное — устоять против рынка, где продается человек», — говорит художественный руководитель театра, народная артистка СССР Татьяна Васильевна Дорониная.

МХАТ им. Горького стойчески переносит все невзгоды и при этом имеет один из самых богатых репертуаров в Москве, самые дешевые билеты при самых качественных, выношенных под самым сердцем спектаклях, занимается благотворительностью... и уже совсем непонятно, откуда берутся силы на все это. А ты просто приходишь сюда, готовый отдать все за то, чтобы получить надежду, и получаешь ее, «а после ходишь тревожный, но спокойный наружно. Говоришь кому-то: «Ведь теперь тебе ничего? Не страшно? Да?»

7 ноября — годовщина революции, но еще и день, к которому я шла очень долго, — день моей встречи с Татьяной Васильевной Дорониной. Странно: я совсем еще девчонка, а иду к такому большому человеку, но мне почему-то совсем не страшно, и внутри, словно молча, без конца звучат слова Татьяны Васильевны из спектакля «Старая актриса на роль жены Достоевского»: «Сегодня, живя в полнейшем уединении, я погрузилась душой и мыслями в прошлое, столь счастливое, и это помогло мне забыть пустоту и бесцельность моей жизни сегодня...» Вспоминается монолог из кинофильма «Старшая сестра», где героиня Татьяна Васильевна говорит, по сути, пророческие слова: «Мы стояли под знаменами, мы несли знамена. Неужели этого никогда не будет в нашей жизни, неужели никогда?». А ведь это только 1967 год. Я иду к Дорониной, чтобы спросить, неужели действительно никогда? Как тогда жить, чем жить? Она ведь знает, она мудрая женщина с большим и добрым сердцем. Помогите нам, Татьяна Васильевна, молодым, выстоять. Вы же не гнетесь, не плачете, когда бывает мучительно больно за многое и за нас, за «новых», «несчастных и сиротливо одиноких», а ведь так порой хочется взломиться: выбросите меня, выбросите, я больше не могу.

ВСТРЕЧА назначена на 20 часов после репетиции спектакля «Униженные и оскорбленные». Я прихожу на полчаса раньше, чтобы не дай Бог опоздать, меня проводят на пятый этаж (там кабинет Татьяны Васильевны), но ее пока нет. Что же, подождем. Время летит незаметно, и вот буквально с боем часов появляется она: Дорониная (точность — вежливость королей). Строго одетая, она ступает жестко, уверенно, грациозно, именно такой я ее себе и представляла — она еще лучше, чем на сцене. Меня провожают в кабинет. Чудный, уютный кабинет; здесь нет ничего лишнего: все самое дорогое сердцу хозяйки, другого и быть не может. Темно-бордовые, синие тона — самые театральные, самые любимые. Вот Татьяна Васильевна впервые на меня взглянула несколько изучающе и, как мне показалось, с недоверием: что за человек к ней пришел на сей раз? Кто он, и что от него ждать? Она приглашает меня сесть, и начинается разговор. Ее голос летает размеренно и завораживает своим удивительным тем-

бром, от нее уже невозможно оторвать глаз. В этом человеке прекрасно все: и мысли, и речь, и внешний вид, и манеры.

Я начинаю с общего, но самого важного вопроса: «Как бы Вы охарактеризовали в нескольких словах наше время?» И пусть ответ Татьяны Васильевны станет эпиграфом ко всему, что будет сказано позже: «Время потери лучшего в России: лучших людей, лучших талантов, время бездарности и дилетантов».

— Какое место занимает театр в современной России?

— Драматический театр всегда в мировой истории (не только в истории России) по своей направленности, целеустремленности, по своей необходимости продолжал лучшее, что давала религия. Поэтому с атеистическим потеснением православия в России эту функцию стал выполнять театр.

# МАТРЕВЬ МОЕГО ДУХА

И выполнил победно и славно, потому что, какие бы ни были времена, за исключением нынешнего времени, которое я ставлю отдельно и определяю как время, не благое для театра, он нес эту замечательную задачу — открывать лучшее в человеке, открывать самые светлые стороны жизни и все время напоминать о том, что жизнь — это великое благо и очень большое счастье, что красота мира бесконечна, а человек — как маленькая модель мира, модель земли, маленькая планета — несет внутри себя свет. И нужно способствовать, чтобы этот свет наличествовал, а не уничтожался. Как гасят лампаду — и нет света, нет проповеди лучшего в человеке, нет лампады, и тогда каждый человек превращается в мертвую планету.

Сегодня, к большому сожалению, гаснут живые, прекрасные предпосылки, которые существуют в каждом человеке. В каждом, потому что самое пленительное, что есть пока в мире, — это ребенок, которого еще не коснулась вредная идеология, который являет собой олицетворение человеческой души по чистоте, доброте, по непосредственности. Театр всегда занимался ростом души, ее воспитанием, и в этом его великая миссия. И, несмотря на очень страшные катаклизмы, которые те или иные силы производят в нашей стране, получилось так, что драматический театр, несмотря на гонения последних лет (потому что иначе как гонения это назвать невозможно), Русский театр, благодарением Господу, сохранился. И сохраняют его души тех артистов, которые выходят на сцену и в меру своего внутреннего света воздействуют энергетически на зрительный зал и даже пробуждают те погасшие лампады внутри, те несчастья, как будто умершие, души к жизни и к свету. Но для этого должен быть соответствующий репертуар: нравственный, правдивый, и по уровню таланта это уровень Островского, Горького, Чехова, Розова, Арбузова, Булгакова...

К большому сожалению, одна из самых больших потерь, в результате дурного сегодняшнего ученичества и в школах и в институтах, — это потеря жажды знаний, очень большое падение интеллекта, а планируемое уменьшение количества часов, отведенных на литературу, равносильно преступлению. Это значит — превратить людей в машины, и очень легко сделать из нас счетные машины. Здесь уже совсем не важно, сколько человеческих жизней, сколько преступлений, сколько погибших душ. Это не важно, важно — наживай. Тогда задается вопрос: а во имя чего и зачем? Потому что для того, чтобы наживать, достаточно продать душу дьяволу и все. А человек без души — это машина, робот, которому не интересно и страшно жить, т.е. поколения лишают самого главного — счастья жизни, радостного мироощущения, из них вынимают души — то, ради чего рождены эти маленькие планеты... Татьяна Васильевна говорила, а мне хотелось благодарить ее за все: за то, что она просто есть, за то, что «мятежная ищет бури...», за то, что сеет бурю во многих и во мне ведь тоже! А после, уже дома, написавшись так — о сегодняшнем, о наблевшем:

*Втреснуто в мозг дурманово зелье:  
«За кой черт за землю нам распинаться?»  
Спусти в кандалы свободное племя —  
За «зелье» в хари друг другу верзывать.  
Даже писклого эха нет в ваших душах,  
Когда душу изорвешь, с кровью выхарканную вам,  
Вытканное синей жилой сердце брошишь  
К вашим стоптанным впусую до кости ногам.  
Статуи смрадные, полые, как сам сатана.  
Телеса голые висосет земля.  
Вдавленную в грудь дыру,  
серпом смерти выжженную,  
Выхоженную в бреду, в колыбели вбьшите.  
Вдоволь кувыркнулась в этой затхлой каше я.  
Сковырнуть бы всех их, тех, кто свою «правду»  
задом кашляет.*

СЕГОДНЯ говорят: отсутствует идеология. Это вранье. Грубое, дичинное, очень громкое, повсеместное и большим тиражом запущенное вранье. К большому сожалению, идеология Элоа, денег наживы есть, и она сегодня торжествует в любых формах. И одна из этих форм — уничтожение драматического театра как основы всего лучшего. Переход на театральные формы, которые не способствуют росту души, а способствуют извращенным ростам тела. Говорят — радуйтесь сиюминутно, и какая форма для вашего тела удобна и доступна, вот это и осуществляйте и не стыдитесь ничего, потому что существует совершенно замечательный закон — все, что приносит вам удовольствие, то и имеет смысл. Если это будет продолжаться, то с уничтожением в человеке лучших начал, естественно, будет отнято вместе с совестью понятие следования всем заповедям, которые существуют в православии, а с уничтожением этих заповедей — уничтожение людей, уничтожение страны, а в конечном итоге — уничтожение мира.

Татьяна Васильевна закончила, но я еще долго не могла прийти в себя от этого страстного чувствования. Такими словами разбудить мертвого. Радостно, но страшно было понимать, что я думаю так же, что во мне та же ненависть к грязному сегодня, но что в душе паника и бессилие, бессилие перед этой машиной всепоглощающей уничтожения, когда есть только одна профессия — расхищать свою Родину. И стало обидно за нас, молодых, которые могли бы иметь все, но продали души дьяволу за жвачку. Они, чувствуя дискомфорт, сами, не понимая отчего, начинают давить в себе чувство пустоты ритмами, от которых лопаются барабанные перепонки, давить духовную несостоятельность наркотиками и алкоголем, унижать себя ниже животного уровня, ибо животное знает меру насыщения, а польный человек ее не ведает: ему все мало. Он страшен в своем грехе; у него нет морали, он приходит в ярость и бешенство эгоцентрика, когда слышит о добре, которого ему «недостаточно для полной жизни», которое на самом деле не воспринимает как первооснову существования. «Да ты просто фанатичка», — получаю я в лицо, задев самолюбие полого «нового», заговорив о слишком далеком от жизни в его понимании понятии нравственности. Но как же с этим можно мириться? Протест — единственная форма существования сегодня. Но как, откуда взять столько сил? Научите нас, Татьяна Васильевна, той стойкости, с которой вы сами защищаете честь театра, всего замечательного, всего русского и чистого. Есть ли у нас шанс, у молодых, ведь тех, кто любит Россию, кажется, очень мало...

Дорониная с теплом вспоминает свою послевоенную юность, когда ничего похожего на сегодня не было и никто не думал, что у кого-то есть красивые туфельки, а у тебя их нет, — тогда в цене были иные, не материальные ценности. Но вот Татьяна Васильевна замолчала, возникает тяжелая пауза, после которой она вот что сказала: «Я уверена, что существуют люди, которые серьезно относятся к своему предназначению и которым также неудобно в этом мире, как и вам; наверное, процент их все-таки достаточный, во всяком случае, я рассчитываю сегодня хотя бы на 10 процентов из 100, ну даже пускай 5». «Так они имеют шанс выжить?», — не удерживаюсь я и с надеждой смотрю на Татьяну Васильевну. «Это зависит от одной вещи», — отвечает Дорониная. — Если у вас существует позиция неприятия того дурного и вы видите это дурное, наблюдаете, чувствуете, пропускаете это через свое сердце и протестуете против этого дурного, то это уже известная внутренняя состоятельность. И если вы будете укрепляться разумно в этом протесте, не выплескивая эмоционально то отрицательное в виде неприятия, если у вас будет все время

существовать цель, вам будет интересно жить и не одиноко, потому что стремление к цели дает силы».

А МЕЖДУ ТЕМ я уже забыла о том большом плане с вопросами, который готовила так долго. Диалог шел сам собой, время совсем не чувствовалось. И уже не только я задаю вопросы: «Что у тебя случилось, если хочешь, расскажи», — обращается Татьяна Васильевна так хорошо, добро, и ты готов всю душу отдать на суд. И «звезды рассказывают, все рассказывают звезды» — прямо как у Блока.

Татьяна Васильевна возвращается к МХАТу, который не сломился, и это тоже чудо, а «чудо — это результат определенных усилий, которые необходимо все время затрачивать, а если всегда думать, что все плохо закончится, чтобы этого вообще ничего не было, — это жуткий грех. Значит, надо набирать силы, верить в смысл этих усилий. А они имеют смысл, потому что более нежной, доверчивой, сильной страны, чем Россия, нет. Нужно замечать даже очень маленькие победы, потому что это дает силы на дальнейшее. Затем очень спасает обновление природы, которое важно видеть, потому что самое прекрасное, что питает душу, — это небо, деревья, птицы, собака, которая учит мудрости своей добротой».

Татьяна Васильевна спокойна, уверена, нет никакого сомнения — она верит в то, что говорит. И так здорово сидеть и разговаривать с ней, чувствовать силу и цельность ее характера, знать о том, что этот человек сделал и продолжает делать, зажигая погасшие лампады человеческих душ.

А вы дарите когда-нибудь Дорониной цветы после спектакля? Очень может быть, что и дарили, потому что цветов всегда море. Тому, как она их принимает, просто нельзя не удивиться, причем совершенно неважно, какой это букет: пышные розы или же полевые, солнечные ромашки. Татьяна Васильевна берет их из ваших рук как нечто самое драгоценное, что только может быть на свете, каждому взглянув в глаза, сказав взглядом очень многое!

Вспоминается один из спектаклей — «Прощание с Матерой» по Распутину — очень сильная, идейная постановка, но в театре школьники, и им до всего есть дело, кроме спектакля. Они дружно гудят, шуршат страницами журналов, кто-то недовольно ворчит, но устоять перед действием, которое разворачивается на сцене, не сумели даже они. Вот в зале уже гробовая тишина. Только позже, в развалке, был привычный гул, и запищали детские голоса: «Классный спектакль!». Так действовал могучий закон переубеждения, возвращения человека «на круги своя». И дай Вам Бог, Татьяна Васильевна, сил в вашем чудотворном деле.

А 7-го во МХАТе им. Горького — «Теркин жив и будет» как напоминание о страшной, но Великой Отечественной войне, «великом противостоянии». Дорониная не может обойти такой даты (60 лет со дня исторического парада Вооруженных сил СССР на Красной площади в 1941 году), в то время как ни один другой московский театр никак ее не отметил. Перед началом спектакля она вышла на сцену с добрыми словами в честь тех ветеранов, которые шли сегодня по Красной площади и являли собой поистине страшную картину: «Пустая площадь, защитного цвета шинели старого образца и им всем по 75 — 80; стоящие по бокам кремлевские курсанты выполняют функцию охранников. Но от кого они охраняют, от чего? Ветераны идут в полной тишине, повернув голову направо, на Мавзолей, а на трибунах пусто, им трудно идти: у них у всех болят ноги. Более страшная картина после 1993 года, когда русские убивали русских, представить сложно. Поколение уходит обиженным», — с горечью повторяет Татьяна Васильевна. — Поколение уходит, а связи времен нет — есть только «молодые, пьяные дураки с метлами, — ужасается она акции протекторского движения «Идущие вместе» к годовщине, — которых, слава Богу, догадались не выпускать на Красную площадь, ... что им смывать, память России?»

...Много еще было сказано за время моего пребывания у Татьяны Васильевны — всего не перескажешь. И одно было яснее ясного: Татьяна Васильевна — мой добрый наставник, который крепко держит за руку и уверенно ведет по темным тоннелям жизни в нужном направлении — в направлении правды, веры и терпимости. И я уверена: ничто не сможет вырвать мою руку из ее руки.

Я призываю всех, особенно молодых, в ком еще теплится любовь к нашей великой истории, культуре, к тем, кто не желает поклоняться заморским идолам: приходите во МХАТ им. Горького, приво-дите своих друзей, близких, и вы получите огромный заряд энергии, а главное — мы будем вместе. Ведь театр — это не развлечение, не отдых, а жизненная необходимость сегодня, и я уверена: кто еще этого не почувствовал, почувствует обязательно.

И «пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы вместе, и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, униженные и оскорбленные нас! Пусть они бросят в нас камни!... Мы пойдем рука в руку...». Такими словами завершается новый спектакль МХАТа «Униженные и оскорбленные». Этими победными словами хочу закончить и я.

С низким, земным поклоном Русской актрисе Татьяне Васильевне Дорониной.

Маша МОНОМЕНОВА,  
студентка.